ВОЛЫНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 Марта № 8 1886 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Ученіе Тридентскаго собора о первородномъ грѣхѣ и оправданіи—въ связи съ православнымъ и протестантскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ.

Историко-критическій очеркъ изъ области сравнительнаго Богословія.

(Продолженіе).

Крайность, въ какую впали римскіе богословы въ ученіи о первородномъ грѣхѣ, не замедлила вызвать другую, противоположную ей, крайность въ ученіи протестантовъ, которые стремятся проникнуть въ глубь человѣка, въ сокровеннѣйшіе тайники его существа, и здѣсь искать наслѣдственной порчи. Протестанты согласны съ римскими богословами въ томъ, что сущность первороднаго грѣха состоитъ въ утратѣ первобытной праведности, но, сообразно своему противоположному взгляду на первобытную праведность, они расходятся съ ними во взглядѣ на сущность и на слѣдствія этой утраты. Въ то время, какъ, по ученію римскихъ богослововъ, сущностію этой утраты было лишеніе *сверх*ъестественнаго придатка къ

природѣ человѣческой, поддерживавшаго гармонію ея частей, и произшедшее отсюда возмущеніе плоти противъ духа; по ученію протестантовъ, въ первобытной праведности человѣкъ утратилъ высшее *чисто-естественное* совершенство всѣхъ своихъ силъ, иначе—естественную, полученную имъ въ самомъ актѣ творенія способность желать и творить добро, или,—что тоже,—образъ Божій. Отсюда лишеніе первобытной праведности,—въ чемъ протестанты полагаютъ отрицательную сторону первороднаго грѣха,—было лишеніемъ свойства естественнаго, существенно принадлежащаго природѣ человѣческой, *а не—дара, свыше* даннаго, какъ думаютъ римскіе богословы. Посему, тогда, какъ, по ученію римско-католическому, тотъ утраченный сверхъестественный придатокъ уступилъ въ человѣкѣ мѣсто состоянію *чисто-естественному* (statu purorum naturalium), возвратилъ ему *натуральную* слабость или *похоть*, какъ неотъемлемый недостатокъ, полученнаго въ самомъ актѣ творенія, состоянія; по ученію протестантскому, наоборотъ, *естественное* совершенство замѣнено въ падшемъ человѣкѣ *противо*естественнымъ, несвойственнымъ его природѣ состояніемъ,—злымъ началомъ или похотью. А такъ какъ то естественное совершенство проникало и возвышало всю природу человѣческую, *и*—прежде всего и болѣе всего—ея духовную сторону, то похоть, замѣнившая его въ падшемъ человѣкѣ, глубоко проникла *всю* его природу, и—болѣе всего—ея духовную сторону, повредила всѣ ея естественныя силы, и особенно—высшія [1]). Она гнѣздится, потому, не въ тѣлѣ (какъ учатъ римскіе богословы), а въ душѣ и, какъ источникъ всякихъ помысловъ, противныхъ закону Божію, какъ постоянное противленіе волѣ Божіей, она не есть нѣчто безразличное въ нравственномъ отношеніи (какъ учатъ тѣже богословы), а—есть грѣхъ въ истинномъ и собственномъ смыслѣ, не уничтожаемый даже въ

---

1) «Не въ поврежденіи только тѣлесныхъ свойствъ состоитъ похоть,—говоритъ „Apologia confessionis Augustanae",—но и въ превратномъ направленіи высшихъ силъ къ плотскому: она ищетъ не только удовольствій тѣлесныхъ, но и мудрости и праведности плотской, и, презирая Бога, полагается на эти блага». У Winer'a, pag. 55.

крещенныхъ, а — только невмѣняемый имъ въ вѣчное осужденіе, хотя благодатію Св. Духа умаляемый въ своей интенсивности. Понятно отсюда, что у протестантовъ похоть признается положительною и главною стороною первороднаго грѣха. Такимъ образомъ, то, *что̀* римско-католики называютъ слѣдствіемъ первороднаго грѣха, какъ утраты первобытной праведности, или — поврежденіемъ природы (vulneratio naturae), протестанты отожествляютъ съ самымъ первороднымъ грѣхомъ, — съ его сущностію. И тогда какъ, по ученію римскихъ богослововъ, *чрезмѣрно разъединявшихъ* первобытную праведность отъ природы человѣческой, послѣдняя не потерпѣла существеннаго измѣненія или поврежденія въ своихъ силахъ *или* способностяхъ; по ученію протестантовъ, *сливавшихъ* ту праведность съ природой человѣческой, эта послѣдняя въ корнѣ потерпѣла глубочайшее поврежденіе: ибо чѣмъ сильнѣе и крѣпче соединеніе двухъ предметовъ, тѣмъ значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ и разрывъ ихъ, тѣмъ разительнѣе была и катастрофа паденія человѣка. И опять—тогда какъ, по ученію римскому, грѣхъ уничтожилъ въ человѣкѣ *только подобіе Божіе*, нисколько не коснувшись образа Божія,—его естественныхъ силъ и дарованій; по ученію протестантскому, не признающему подобія Божія въ невинномъ человѣкѣ, наоборотъ—грѣхъ *всецѣло* уничтожилъ въ немъ образъ Божій,—его естественныя силы и дарованія въ ихъ стремленіи къ добру: ядъ грѣха глубоко проникъ *всю* природу человѣческую, въ ея сокровеннѣйшее существо, не оставивъ въ ней даже способности желать добра.

Итакъ, ко времени Тридентскаго собора по вопросу о первородномъ грѣхѣ въ западномъ богословіи существовали слѣдующія теоріи:

1. Получившая обширное распространеніе въ ту пору *теорія скоттовская*, говорящая о первородномъ грѣхѣ, только—какъ объ утратѣ первобытной праведности,— утратѣ, повлекшей за собою въ чувственной природѣ человѣка нѣкоторую слабость или похоть, впрочемъ вполнѣ естественную, свойственную этой природѣ и имѣющую потому характеръ безразличный въ нравственномъ отношеніи. Эта теорія, послѣдовательно проведенная, въ сво-

ихъ крайнихъ выводахъ породила слѣдующія двѣ: а) теорію *анабаптистовъ*, возобновившихъ въ сущности ересь Пелагія, и б) теорію *Цвинглія и Эразма*, возобновившихъ ересь пелагіанъ [1]).

2. Какъ антитезисъ скоттовской теоріи, теорія *протестантовъ*.

Таково было положеніе ученія о первородномъ грѣхѣ *до* Тридентскаго собора. Оно напоминаетъ намъ положеніе этого ученія въ древней нераздѣльной Церкви Христовой, во времена бл. Августина. Какъ тогда (въ 5 в.) въ противодѣйствіе ученію Пелагія и его послѣдователей, отрицавшихъ наслѣдственную порчу въ человѣкѣ, образовалось и развилось ученіе бл. Августина, въ пылу ожесточенной полемики съ пелагіанами впадавшаго иногда въ крайность въ своихъ воззрѣніяхъ на наслѣдственный грѣхъ, такъ и теперь, до Тридентскаго собора, въ противовѣсъ скоттовской теоріи, благодаря своему пелагіанскому характеру породившей заблужденія анабаптистовъ и Цвингліянъ, тожественныя съ заблужденіями Пелагія и пелагіанъ, образовалась теорія протестантовъ, возобновившихъ и *до крайности* развившихъ крайніе взгляды бл. Августина. И какъ тогда Церковь формулировала на соборахъ свои вѣроопредѣленія по вопросу о первородномъ грѣхѣ, осудивъ заблужденія Пелагія и его послѣдователей, такъ и теперь она собиралась сдѣлать тоже самое—осудить заблужденія и утвердить свое ученіе по тому же вопросу. Но между тѣмъ, какъ тогда она утвердила ученіе блаж. Августина, какъ православное (отвергнувъ, конечно, его крайности, вызванныя и мотивированныя нуждами полемики съ Пелагіемъ), теперь римской церкви предносилось близкое къ пелагіанскому скоттовское ученіе по данному вопросу, легшее въ основу всего ея вѣроученія, а—чрезъ него—и всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ ея нововведеній (какъ это увидимъ дальше) во всемъ строѣ ея жизни, которыя были совершенно чужды древней Церкви Христовой. Понятно, она не могла отвергнуть это ученіе,—ибо это значило бы для нея по-

---

1) *Нѣкоторое* различіе въ ученіи Пелагія и—его ближайшихъ учениковъ—пелагіанъ указано нами выше.

сягнуть на весь строй своей внутренней жизни,—но вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ и провести это ученіе всецѣло во всемъ его объемѣ,—ибо это равносильно было бы публично объявить свое неправославіе,—свое несогласіе съ ученіемъ древней нераздѣльной Церкви Христовой и тѣмъ дать протестантамъ рѣшительное оружіе противъ себя. Чтобы избѣжать и того и другаго,—и посягательства на строй своей жизни и обвиненія въ неправославіи,—римская церковь въ лицѣ Тридентскаго собора избрала *средній* путь. Мало касаясь положительнаго своего вѣроученія, она стремилась только направить свои вѣроопредѣленія противъ тогдашнихъ заблужденій въ области даннаго ученія. А чтобы придать этимъ вѣроопредѣленіямъ авторитетъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ неправославіи, Тридентскій соборъ включилъ въ свои вѣроопредѣленія нѣкоторыя изъ тѣхъ вѣроопредѣленій, которыя, какъ мы видѣли, древне-христіанская Церковь, въ лицѣ своихъ соборовъ и нѣкоторыхъ римскихъ епископовъ, постановила противъ заблужденія Пелагія и пелагіанъ и которыя, какъ нельзя болѣе, могли быть теперь направлены противъ *новыхъ* послѣдователей Пелагія и пелагіанъ,—анабаптистовъ и цвингліанъ. Но эти древне-церковныя вѣроопредѣленія или совершенно передѣланы въ Тридентскихъ декретахъ, или, выхваченныя изъ систематически—изложенныхъ каноновъ древнихъ соборовъ, вставлены въ декреты *внѣ* всякой связи съ контекстомъ и дополнены еще *собственными* постановленіями собора. Все это сдѣлано лишь для того, чтобы, подъ прикрытіемъ авторитета древней Церкви Христовой, провести пелагіанскія скоттовскія тенденціи. Послѣднія дѣйствительно и могутъ быть замѣчены нами при свѣтѣ изложенныхъ уже нами историческихъ данныхъ ученія о первородномъ грѣхѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

О. Антоній Корчинскій. (Некрологъ).

17-го Октября, въ селѣ рудкѣ Дубенскаго уѣз., скончался, на 86-мъ году отъ рожденія, бывшій настоятель Рудецко-Липыбоцкаго прихода, заштатный священникъ о. Антоній Корчинскій. Дѣятельность о. Антонія совпала съ порою особеннаго возбужденія какъ въ общественно-политической, такъ и церковно-религіозной жизни нашего края, и покойный и словомъ и дѣломъ принималъ живѣйшее участіе въ событіяхъ своего времени. Поэтому, въ виду свѣже-насыпанной его могилы очень умѣстно и своевременно вспомнить о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ его жизни, и хоть въ слабомъ очеркѣ представить личность этого вполнѣ достойнаго лучшей памяти дѣятеля нашей окраины.

О. Антоній родился въ 1799-мъ году отъ православнаго священника с. Севрукъ Староконстантиновскаго уѣзда и первые годы своей жизни провелъ въ тиши деревенскаго захолустья, среди загнаннаго и замученнаго народа, подъ тяжелыми впечатлѣніями неприглядныхъ сцепъ крайняго самовластія и полной разнузданности панскаго деспотизма. Тринадцати лѣтъ отъ роду, въ пору самаго нѣжнаго и воспріимчиваго возраста, о. Антоній становится очевидцемъ Русскаго лихолѣтья, какимъ былъ 1812 годъ—столь памятный въ нашей отечественной исторіи: на его глазахъ прошли и партіи плѣнныхъ французовъ, и шайки бунтующихъ поляковъ, и стройные ряды торжествующихъ Русскихъ.

Вступивши въ школу, покойный бодро и твердо шелъ по этому еще не проторенному пути. При тогдашнихъ условіяхъ учебно-воспитательной практики, при полномъ отсутствіи воспитательно-образовательныхъ средствъ, при крайней скудости и сомнительности матеріальнаго обезпеченія, годы школьнаго воспитанія были временемъ самаго тяжелаго искуса; многіе или уходили отъ ненавистной школы, а если и не уходили, то пріобрѣтали такое отвращеніе къ наукѣ, что и въ дни полной своей зрѣлости не могли освободиться отъ скептическаго, если не враждебнаго отношенія ко всякому умственному труду. Нельзя того сказать о покойномъ о. Антоніѣ: школа со

своимъ тяжело формальнымъ складомъ, повидимому, не оказала подавляющаго вліянія на его умъ и сердце; напротивъ, она до того развила въ немъ страсть къ нѣкоторымъ отдѣламъ науки (напр. медицинѣ, латинскому языку, которымъ покойный владѣлъ въ совершенствѣ), что и на закатѣ дней книга для старца составляла предметъ насущной потребности.

По окончаніи курса наукъ въ Волынской Духовной Семинаріи, покойный о. Антоній былъ посвященъ настоятелемъ въ с. Рудку Дубенскаго уѣзда. Молодой, исполненный жажды дѣятельности, покойный о. Антоній горячо принялся за выполненіе своего пастырскаго служенія. Нужно замѣтить, что Дубенскій уѣздъ вообще, а въ частности с. Рудка представляли въ ту пору совершенно иной обликъ въ церковно-религіозномъ отношеніи сравнительно съ тѣмъ, какой носятъ теперь. Унія сохранялась здѣсь еще довольно сильно; въ каждомъ почти приходѣ наряду съ приверженцами православія были и приверженцы уніи, и обокъ съ православнымъ священникомъ жилъ и уніатскій, при чемъ первый, по преимуществу, священнодѣйствовалъ въ приходскомъ храмѣ, второй же въ особо устроенной и приспособленной сельской часовнѣ. Такой порядокъ существовалъ и въ с. Рудкѣ незадолго до прибытія о. Антонія на мѣсто своего пастырскаго служенія: приходской ветхенькій храмъ въ с. Рудкѣ служилъ мѣстомъ собранія для православныхъ, часовенька же въ приписной деревнѣ Липьбокахъ—для уніатовъ. Хотя покойный о. Антоній не засталъ въ своемъ приходѣ совмѣстника-уніата и не могъ тяготиться его происками и интригами, тѣмъ не менѣе его положеніе, какъ пастыря православной церкви, не представляло чего—нибудь отраднаго; большая половина населенія очень враждебно относилась къ молодому священнику, и не желала входить съ нимъ ни въ какое религіозное общеніе. «Когда бывало ходишь по селу съ молитвою или съ св. крестомъ, расказывалъ покойный, то уніаты запирали двери и ни подъ какимъ видомъ не хотѣли впускать меня въ свои жилища. Наконецъ, мнѣ удалось, какъ то разъ, внезапно зайти въ уніатскій домъ и завязать разговоръ съ его хозяевами. Съ того времени, дальнѣйшія посѣ-

щенія встрѣчались не такъ враждебно и мои внушені что между Уніей и Православіемъ нѣтъ большаго ра личія, что Православные молятся по тѣмъ же церковны книгамъ, поютъ тѣ же церковныя пѣсни, что и уніаты- возъимѣли успѣхъ. Мало помалу уніаты стали перех дить въ православіе и Рудка сдѣлалась такою, как теперь видите». Дѣятельность о. Антонія не ограничивалас впрочемъ, тѣсными предѣлами своего прихода и ско была перенесена въ окрестныя села, главнымъ образом въ Полчу, гдѣ тогда священствовалъ о. Слоткевичъ- старый и ярый уніатъ. Первая попытка сближенія с Полческими уніатами, предпринятая о. Антоніемъ совм стно съ однимъ изъ мѣстныхъ православныхъ свяще никовъ, не увѣнчалась успѣхомъ и, можно догадыватьс вслѣдствіе апатичности и полнаго безучастія къ задума ному подвигу со стороны сотоварища. Дальнѣйшій труд обращенія Полчи въ православіе покойный о. Антоні возложилъ исключительно на себя одного: ему, какъ че ловѣку доброму по душѣ, незлобивому, открытому и го рячо-преданному выполненію принятыхъ пастырскиx обязанностей, легко было войти въ дружественныя отн шенія съ настоятелемъ Полчи о. Слоткевичемъ, которы хотя и хулилъ схизматизмъ православныхъ, тѣмъ н менѣе въ глубинѣ души не могъ не отдать должнаг уваженія усердію и ревности молодаго пастыря. Друже ственныя, общительныя отношенія, установившіяся межд ревнителемъ православія съ одной стороны и страстны приверженцемъ уніи—съ другой, оказали свое дѣйстві о. Слоткевичъ мало помалу былъ разубѣжденъ въ св ихъ исключительныхъ воззрѣніяхъ и, уступая силѣ дов довъ молодого пастыря, согласился, наконецъ, предост вить ему право служенія въ Полченской приходской цер кви—и то единственно ему одному, какъ своему ближай шему и непосредственному другу. Неоднократные пр мѣры присутствія о. Антонія въ уніатской Полченско церкви и совершенія тамъ таинствъ и приходскихъ треб имѣли свое благодѣтельное вліяніе: мысль о схизма- тичности православныхъ пресвитеровъ, о преступност принимать таинства изъ ихъ рукъ была, наконецъ, поко- леблена въ простыхъ сердцахъ мѣстнаго крестьянскаго

населенія, и жители Полчи также охотно стали обращаться за требоисправленіями къ сосѣднимъ православнымъ священникамъ, какъ и къ своему настоятелю о. Слоткевичу. Скоро о. Слоткевичъ замѣтилъ перемѣну въ религіозномъ направленіи своихъ прихожанъ, разорвалъ сношенія съ о. Антоніемъ, сталъ громить паству съ церковной каѳедры своими фанатическими рѣчами, и, можетъ быть, чего нибудь и достигъ бы, если бы въ самой уніатской средѣ не началось новое движеніе возникшее благодаря реформаціонной дѣятельности Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Іосифа Сѣмашки—дѣятельности отозвавшейся и въ захолустьи Дубенскаго уѣзда. На должность уніатскаго Благочиннаго былъ избранъ тогда священникъ м. Боремля—священникъ еще молодой, сочувствовавшій новому движенію, внимательно слѣдившій за его проявленіями и горячо поддерживавшій его сторонниковъ. Къ нему примкнули и другіе уніатскіе священники, сораздѣлявшіе его убѣжденія, и, такимъ образомъ, среди духовенства уніатскаго образовался кружокъ лицъ съ иными воззрѣніями и стремленіями. Благодаря трудамъ и заботамъ этого кружка, сѣмена, положенныя о. Антоніемъ въ Полчѣ, быстро взошли и дали обильный обѣщанный плодъ. Полча была присоединена къ православію; самъ о. Слоткевичъ примирился съ новымъ порядкомъ вещей и согласился на бракъ своей дочери съ питомцемъ Духовной Православной Семинаріи Ольшевичемъ, которому и переуступилъ приходъ, самъ подавшись въ заштатъ.

Чтобы оцѣнить всю важность и значеніе этого труда, нужно имѣть въ виду и тѣ условія времени, при которыхъ онъ совершенъ. Время 30-хъ годовъ текущаго столѣтія было тяжелымъ временемъ для православія въ здѣшнемъ краѣ: поднявшійся польскій мятежъ вымѣщалъ свою безсильную злобу прежде всего на беззащитныхъ представителяхъ православнаго клира и особенно на тѣхъ изъ нихъ, которые чѣмъ нибудь заявили себя на поприщѣ своего пастырскаго служенія. Можно представить душевное состояніе о. Антонія, когда онъ услыхалъ о приближеніи значительныхъ польскихъ бандъ къ окрестностямъ Рудки. Приходилось расквитаться за свою пастыр-

скую ревность и кровію оросить ниву новонасажденной паствы. Къ счастью, русскіе войска поспѣшили предупредить мятежниковъ и въ 10-ти верстахъ отъ Рудки, на поляхъ по направленію къ м. Демидовкѣ, произошла битва. «Мы, разсказывалъ покойный, со страхомъ слѣдили за ходомъ боя, прося у Господа даровать побѣду русскому оружію: никогда я не переживалъ такихъ страшныхъ минутъ, какъ въ то памятное время, когда съ часу на часъ, съ минуты на минуту, могла разразиться надъ нами грозная буря». Но буря прошла; враги разбиты и отброшены къ австрійской границѣ; въ окрестностяхъ скоро сдѣлалось вполнѣ безопасно и деревенская жизнь забила прежнимъ тихимъ ключемъ.

Послѣ всѣхъ пережитыхъ трудовъ и безпокойствъ покойный о. Антоній остатокъ дней своихъ всецѣло посвятилъ укрѣпленію вѣры и нравственности въ сердцахъ порученной ему паствы. Тихо и спокойно прошелъ этотъ періодъ дѣятельности о. Антонія: окруженный многочисленнымъ потомствомъ, среди котораго видѣлъ не только внуковъ, но и правнуковъ, уважаемый какъ православными, такъ и иновѣрцами, покойный достигъ такихъ глубокихъ и преклонныхъ лѣтъ, какія выпадаютъ только на долю избранниковъ Божіихъ. Только въ 1878 г. посѣтило покойнаго тяжелое горе: спутница его жизни, соучастница пятидесятилѣтнихъ его трудовъ, въ самые трудные минуты умѣвшая поддержать въ немъ силу и крѣпость духа, отошла въ вѣчность. Этотъ ударъ былъ рѣшительнымъ: съ этого времени, касалось, старецъ прервалъ всякіе земные счеты; всѣ дни проводилъ онъ за чтеніемъ св. Писанія; каждую недѣлю пріобщался св. Таинъ, и вообще жилъ такъ, чтобы въ каждую минуту быть готовымъ отдать отчетъ Богу.

Въ высшей степени назидательны и трогательны послѣднія минуты покойнаго о. Антонія 11-го Октября, онъ былъ еще здоровъ, но, какъ бы чувствуя близость смерти, исповѣдывался 12-го числа, присутствовалъ на утреннемъ Богослуженіи и, хотя въ 9 часовъ утра случился припадокъ головокруженія, сопровождавшійся маленькимъ обморокомъ, тѣмъ не менѣе это не помѣшало присутствовать ему на Литургіи. Во время пѣнія «Отче нашъ» о. Антоній при-

шелъ въ ризницу, самъ облачился въ полную священническую одежду и по чиноположенію, пріобщился св. Таинъ. Цѣлый день, покойный занимался чтеніемъ св. Писанія, а къ вечеру пошелъ, по своему обыкновенію на прогулку. На другой день, случился новый припадокъ, заставившій о. Антонія слечь въ постель; того же дня было совершено Таинство Елеосвященія. До самой смерти нельзя было предполагать близящейся кончины; все время о. Антоній казался здоровымъ, хотя, съ 14-го на 15 число, самъ замѣтилъ: «черезъ три дня я долженъ лежать въ землѣ». И дѣйствительно, пророчество его исполнилось: 17-го Октября, безъ боли, безъ страданій, тихо распрощалась его душа съ тѣломъ, и, какъ догорѣвшая свѣчка, спокойно потухла жизнь для того, чтобы, оставивши эту юдоль плача, слёзъ и воздыханій, переселиться въ лучшій міръ и тамъ снова затеплиться вѣчнымъ святымъ огнемъ. 19 Октября о. Антонія погребли. Миръ же праху твоему многополезный, но забытый труженникъ!

А. М.

Лѣтопись текущихъ событій.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Признавъ за благо находящіяся въ Лифляндской губерніи евангелическо-лютеранскія приходскія и волостныя школы и въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ—евангелическо-лютеранскія сельскія народныя школы, а также учительскія семинаріи во всѣхъ трехъ поименованныхъ губерніяхъ подчинить вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
19-го февраля 1886 года.

Высочайшее пособіе Холмскому Братству. «Въ Варшавско-Холмск. еп. вѣстн.» напечатано извѣстіе о томъ, что г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода препроводилъ къ Высокопреосвя-

шенному Варшавскому Леонтію при отношеніи отъ 18 января 4000 р. съ увѣдомленіемъ, что Государь Императоръ, во вниманіе къ полезнымъ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ учрежденія Холмско-православнаго братства и женской общины въ посадѣ Лѣснѣ Сѣдлецкой губерніи, благоволилъ пожаловать въ пособіе названнымъ братству 3000 руб. и общинѣ 1000 рублей.

Открытіе въ Москвѣ Братства во имя Просвѣтителей Славянскихъ, Святыхъ Кирилла и Меѳодія. Въ воскресенье, 16 февраля, открыто въ Москвѣ Кирилло-Меѳодіевское Братство, имѣющее цѣлію содѣйствовать поддержанію прежнихъ и открытію новыхъ церковно-приходскихъ школъ въ предѣлахъ Московской епархіи.

Письмо бывшаго Боснійскаго митрополита Саввы Косановича *). Весьма естественно что русскіе православные люди принимаютъ горячее участіе въ судьбахъ православія на Востокѣ. Весьма естественно что они съ волненіемъ слѣдятъ за церковными дѣлами въ единовѣрныхъ намъ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ самоотверженно, какъ подобаетъ пастырю Христовой Церкви, боролся не малое время митрополитъ Боснійскій, преосвященный Савва, съ хитрою и нынѣ такъ крѣпко вооруженною тамъ латинскою пропагандой. Владыка дѣлалъ все что могъ, долѣе борьба становилась невозможною, и онъ нашелся вынужденнымъ со стѣсненнымъ сердцемъ оставить свою паству...

Въ самый разгаръ борьбы его съ наступавшимъ латинствомъ, послано было ему сердечное слово сочувствія въ письмѣ подписанномъ многими русскими именами. Не скоро, во время его скитанія, письмо это пришло въ его руки. Лишь недавно было оно получено владыкой въ Іерусалимѣ гдѣ онъ теперь пребываетъ. Благодаря обязательности управляющаго Императорскимъ консульствомъ въ Іерусалимѣ, намъ доставлено собственноручное отвѣтное на адресъ письмо досточтимаго іерарха для предъявленія лицамъ подписавшимъ адресъ. Сообщивъ содержаніе его нѣкоторымъ изъ близкихъ намъ лицъ, считаемъ долгомъ довести текстъ отвѣта преосвященнаго Саввы до всеобщаго свѣдѣнія.

«Возлюбленные братья по вѣрѣ и по крови! Драгоцѣнное посланіе ваше въ коемъ вы обращаетесь ко мнѣ и къ православному Босно-Герцеговинскому народу со словами братской любви и утѣшенія получено мною во святомъ градѣ Іерусалимѣ, гдѣ

*) Изъ «Московскихъ Вѣдомостей».

пребываю временно для успокоенія послѣ пережитыхъ мною за послѣднее время въ моей болѣзной родинѣ тяжелыхъ дней. Отъ себя и отъ имени всего православнаго Босно-Герцеговинскаго народа благодарю васъ, братья, за слово утѣшенія ко мнѣ изгнаннику и исповѣданіе вѣры въ лучшія времена для насъ и для всего Славянства. Посланіе ваше укрѣпитъ во мнѣ и въ народѣ моемъ надежду на то что Русскій народъ, привыкшій всегда связывать свою судьбу съ судьбой всѣхъ славянскихъ народностей, а паче всего съ тѣми изъ нихъ кои страждутъ за нашу православную вѣру, не допуститъ латинство поработить на вѣки мою родину. Съ нами Богъ, милые братья! Будемъ-же вмѣстѣ надѣяться и трудиться».

Бывшій митрополитъ Боснійскій *Савва Косановичъ*.

Во Св. градѣ Іерусалимѣ
10 января 188.

Новая іезуитская школа для русскихъ въ Галиціи. Извѣстно, какъ въ Австріи тѣснятъ русскій языкъ и какъ русскимъ трудно добиться открытія собственныхъ школъ. Но вотъ въ Галичинѣ, въ городѣ Хировѣ открывается іезуитская школа, съ программой гимназіи и съ русскимъ языкомъ, какъ однимъ изъ предметовъ преподаванія. Преподаваться будетъ однако не мѣстное галицко-русское нарѣчіе, а великорусскій языкъ. Русскіе галичане не радуются этому: цѣль, которую іезуиты имѣютъ при этомъ въ виду, имъ ясна, и они ее разоблачаютъ въ своихъ органахъ. «Новый Проломъ» обращаетъ вниманіе на то, что поляки изъ Галичины и Познанскаго княжества русскому языку обучаться не будутъ: такого рода науку ихъ земляки сочли бы государственною измѣною и потребовали бы закрытія гимназіи. Обученіе русскаго языка предназначается только для воспитанниковъ, пріѣзжающихъ изъ Россіи и желающихъ обратно возвратиться туда послѣ обученія. Питомцы іезуитовъ, отправляющіеся въ Россію во всеоружіи католическихъ знаній и знакомства съ русскимъ языкомъ,—вотъ въ чемъ цѣль училища и вотъ почему великорусскому языку отведено почетное мѣсто среди предметовъ преподаванія. Негодованіе «Новаго Пролома» и обращено противъ того обстоятельства, что русскіе галичане, желающіе обучаться собственному своему языку, должны поступать въ іезуитское училище, которое одно только и получило привилегію преподавать этотъ языкъ своимъ воспитанникамъ.

Іерусалимскія грамоты. «Моск. Церк. Вѣд» сообщаютъ, что въ Москвѣ широко распространяются грамоты іерусалимскаго

патріарха на разрѣшительныя литургіи. Грамоты эти на большомъ листѣ за патріаршею именною печатью даются внесшимъ въ сокровищницу Іерусалимскаго храма 300 р. для удостовѣренія въ томъ, что объ упокоеніи родственниковъ вкладчика тогда-то патріархомъ на гробѣ Господнемъ была отслужена разрѣшительная литургія. По характеру своему, эти грамоты напоминаютъ собою католическія индульгенціи; вліяніе же ихъ на народъ, особенно же на купцовъ, и распространенность ихъ среди этого класса общества слишкомъ велики. Въ настоящее время, какъ извѣстно, блаженнѣйшимъ іерусалимскимъ патріархомъ состоитъ Никодимъ, долгое время жившій въ Москвѣ.

Гоненіе на христіанъ въ Китаѣ. О страшныхъ гоненіяхъ на христіанъ въ Тонкинѣ и прилегающихъ областяхъ Китая получены точныя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что тамъ по 1 ноября минувшаго года умерщвлено: 9 французскихъ миссіонеровъ, 7 туземныхъ священниковъ, 60 катихизаторовъ, 270 туземныхъ инокинь, 24,000 христіанъ; 200 церковныхъ домовъ совершенно разрушено, 225 церквей сожжено, 17 сиротскихъ пріютовъ, 10 женскихъ монастырей, двѣ земледѣльческихъ колоніи, двѣ семинаріи и двѣ аптеки разрушены. Въ сѣверной Кохинхинѣ убито 7,000 христіанъ,—въ числѣ ихъ 9 туземныхъ священниковъ, и 60 церковныхъ домовъ разрушено. Вся эта кровожадная и разрушительная оргія китайской черни происходила на глазахъ «славныхъ» войскъ французской республики.

Протоіерей П. Ив. Карашевичъ (некрологъ). 16 февраля скончался высокочтимый представитель столичнаго приходскаго духовенства, настоятель С.-Петербургскаго Исаакіевскаго собора, протоіерей Платонъ Ивановичъ Карашевичъ. Сынъ протоіерея Волынской епархіи П. И. окончилъ въ 1851 г. курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ числѣ ея первыхъ воспитанниковъ и въ слѣдующемъ году получилъ степень магистра богословія за сочиненіе, занявшее тогда почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: «Исторія православной церкви въ Волыни» (Спб. 1855). Слѣдующіе 4 года П. И. пробылъ профессоромъ С.-Петербургской семинаріи, а остальные 30 лѣтъ (съ 1856 г.) посвятилъ пастырскому служенію при Исаакіевскомъ соборѣ. П. И. нерѣдко свои пастырскіе досуги обращалъ на занятія учено-литературными трудами (описывалъ лаврскую библіотеку, свѣрялъ изданную профессоромъ Тешендорфомъ синайскую рукопись библіи съ подлинникомъ ея, хранящимся въ Государствен-

номъ Совѣтѣ, и проч. П. И. собиралъ матеріалы для исторіи с.-петербургской епархіи за послѣднія 25 лѣтъ). Въ 1884 г. П. И. поставленъ на высокій постъ настоятеля первенствующаго въ Россіи собора. Настоятельское управленіе П. И. весьма благодѣтельно отозвалось на всѣхъ учрежденіяхъ собора: П. И. выдѣлялся всюду, гдѣ онъ появлялся какъ пастырь и какъ общественный дѣятель. Это былъ пастырь прекрасно образованный, начитанный и никогда непереставашій слѣдить за замѣчательными явленіями отечественной литературы, кроткій, тихій, обладавшій мягкимъ и благороднымъ характеромъ, не любившій рисоваться, выставляться и осуждавшій этотъ грѣхъ въ іереѣ.

Протоіерей В. П. Вишневскій (некрологъ). Въ концѣ Декабря 1885 года скончался въ Казани извѣстный своею обширною и энергическою дѣятельностію по Епархіальнымъ учрежденіямъ Каѳедральный Протоіерей г. Казани Викторъ Петровичъ *Вишневскій* на 82-мъ году своей жизни. Покойный былъ уроженецъ Пермской Епархіи и воспитанникъ Моск. Духовн. Академіи, гдѣ онъ кончилъ курсъ Магистромъ въ 1826 году. На духовно-училищной службѣ покойный состоялъ до 1842. Онъ былъ однимъ изъ учредителей Братства св. Гурія.

Р. Ил. Левитскій (некрологъ). Недавно умеръ въ Щиграхъ Курской губ. Ив. П. Яхонтовъ приватъ доцентъ Моск. Дух. Академіи. Теперь извѣщаютъ изъ Путивля, что въ Путивлѣ той-же губерніи 22 февр., скончался послѣ продолжительной болѣзни Романъ Ильичъ Левитскій бывшій до Яхонтова съ 1879—1883 года доцентомъ Московской Духовной Академіи. Покойный былъ сынъ свящ. Воскресенской церкви въ г. Путивлѣ. Послѣ окончанія курса наукъ въ Бѣлгородской дух. семинаріи, какъ лучшій ученикъ былъ посланъ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ въ періодъ своего образованія обнаружилъ такія блестящія дарованія, что академическое начальство оцѣнило его, какъ человѣка рѣдкаго по умственному развитію и возлагало на него большія надежды въ будущемъ. Въ особенности онъ поражалъ всѣхъ широтой и глубиной философскаго мышленія. По окончаніи курса, академическимъ начальствомъ онъ былъ оставленъ при Академіи въ званіи приватъ-доцента по предмету основнаго богословія. Но недолго ему суждено было служить на научномъ поприщѣ. Его постигло сильнѣйшее горе—смерть нѣжно любимой жены—горе, котораго не выдержала его горячая душа. Въ слѣдствіе сильнѣйшаго душевнаго потрясенія онъ не могъ уже болѣе продолжать

своей службы. Покойный оставилъ послѣ себя нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Обозрѣніи», которыя представляютъ прекрасный памятникъ его философскаго мышленія.

«Литовскія Епарх. Вѣд.» перепечатали изъ 30 № газеты «День» за 1863 годъ воззваніе Аксакова къ бѣлорусскому духовенству, озаглавивъ его:

Завѣщаніе Ивана Сергѣевича Аксакова западнорусскому духовенству. Такое заглавіе, говорятъ «Литовскія Епарх. Вѣд.», мы осмѣливаемся поставить во главѣ этой замѣтки, предшествующей весьма замѣчательному и дорогому документу, вышедшему изъ подъ пера Ивана Сергѣевича въ 1863 году и написанному подъ вліяніемъ русскаго сердца, любящаго и благожелательнаго. По неизвѣстной намъ причинѣ этотъ документъ не былъ въ свое время помѣщенъ на страницахъ «Литовскихъ Епарх. Вѣд.», а между тѣмъ появленіе онаго въ мѣстномъ органѣ вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнимъ обстоятельствамъ жизни духовенства и края и несомнѣнно принесло бы большую пользу. Кромѣ напечатанія въ газетѣ «День», И. С. выпустилъ это завѣщаніе отдѣльными оттисками, на большомъ листѣ, которые сотнями были распространены въ средѣ духовенства. Что это обращеніе имѣло цѣну и благія послѣдствія, видно изъ того, что съ тѣхъ поръ многія семейства духовныхъ лицъ совершенно перестали употреблять польскую рѣчь, такъ что новыя поколѣнія послѣ 1863 г. не только ея не употребляютъ, мо и мало понимаютъ. Это несомнѣнный фактъ. Къ сожалѣнію, нельзя скрывать и того, что стремленіе къ ополяченію, обнаружившееся въ недавніе минувшіе годы, дѣлало поползновенія и на семейства духовныя, что доносились слухи и даже обвиненія на нѣкоторыхъ духовныхъ въ употребленіи ими и нынѣ польской рѣчи въ домашнемъ быту, чѣмъ много, много огорчались русскіе люди. Не придавая этому нежеланному явленію значенія неисправимаго грѣха и зная, что не всѣ слышали, а тѣмъ болѣе читали упомянутый документъ, мы рѣшились, въ видахъ общественной пользы, напечатать оный въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Пусть отцы благочинные прочтутъ это завѣщаніе Ивана Сергѣевича на благочинническихъ собраніяхъ, а каждый священникъ и псаломщикъ въ свою очередь—въ мирномъ кругу своей семьи, пусть они проникнутся честнымъ и правдивымъ словомъ великаго патріота и лучшаго гражданина земли русской и обсудятъ, честно ли и по

правдѣ ли поступаютъ тѣ изъ нихъ кои употребляютъ доселѣ польскую рѣчь, наносятъ ущербъ и позоръ носимому ими русскому имени и развязываютъ словоохотливый языкъ въ поруганіе себѣ;—тогда, надѣемся, не услышимъ больше нареканій на недостатокъ патріотизма въ духовенствѣ, на его двоедушіе и холодность къ истиннымъ интересамъ края.

Желая способствовать той же благой цѣли, на какую указываетъ редакція «Лит. Епарх. Вѣд.», мы помѣщаемъ на страницахъ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» этотъ цѣнный документъ.

«*Изъ Москвы къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію (1863 г.).* Мы виноваты передъ вами: простите насъ. Событія раскрыли намъ глаза, заслѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и всю бездну нашей вины. Мы, русское общество, какъ будто забыли про существованіе Бѣлоруссіи; мы долго, долго коснѣя въ невѣдѣніи о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлоруссы за свою народность и вѣру—съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ врагами—польщизною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ,—сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унію,—преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью... И ты уберегло и поддержало: лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ».

Поистинѣ ваши подвиги безпримѣрно-велики, хотя творились они въ тишинѣ и во буракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма—ваши угнетатели-поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, шли нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ чистой цѣли, тогда какъ враги ваши—по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства,—противополагали вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская знать и русская шляхта соблазнились выгодами власти, прельстились на житейскія удобства и почести,

и продали за нихъ православіе и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,— и тѣмъ не менѣе вы духовнымъ мечемъ, отстояли русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь вполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, свершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,—удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и несемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссіи рядъ испытаній, которыми, какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возрождается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,—русскій народъ,—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой чести. Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ—коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополяченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть народную. Настоящія событія—это какъ бы баня пакибытія для Бѣлоруссіи, по выраженію апостола; это ея крещеніе въ новую общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшенныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ—Прокоповича, Канапасевича, Рапацкаго, дьячка Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польской шляхтѣ, наглымъ польскимъ официалистамъ и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть ихъ уберутся себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать!... Спѣшите же изгладить послѣдніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залѣчить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобы и мысль о былой когда то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку?

Мы должны помочь вамъ указаніемъ на тѣ ваши раны, которыя намъ виднѣе отсюда, со стороны. Русскіе путешественники, посѣтившіе вашъ край изъ братскаго участія передали намъ про одно такое явленіе въ быту духовенства и вообще православной русской

среды, стоящей въ общественномъ положеніи и по образованію выше простого народа, которое—не скрываемъ—насъ смутило, огорчило и оскорбило. Мы разумѣемъ здѣсь то, что въ вашихъ школахъ, училищахъ, православныхъ семинаріяхъ *)—учащіеся говорятъ между собою не иначе, какъ по-польски! Мало того: семейный домашній языкъ православныхъ русскихъ священниковъ —польскій; жены, сетры, дочери русскихъ священниковъ не употребляютъ другого языка, кромѣ польскаго... Онѣ не даютъ себѣ труда (да и можно-ли винить ихъ, коли мужья, отцы и братья о томъ не заботятся?) выучиться по-русски, а бѣлорусское нарѣчіе презираютъ, какъ хлопское. Онѣ молятся Богу въ православныхъ русскихъ церквахъ по польскимъ молитвенникамъ! Правда-ли это—хочется невольно спросить,—но, къ несчастію, и спрашивать нечего: мы знаемъ, что это правда,—правда намъ русскимъ въ позоръ, а полякамъ въ радость и утѣшеніе!

Мы, впрочемъ, не винимъ васъ; мы знаемъ, что вамъ, въ теченіе столѣтій отдѣленнымъ отъ Россіи, невозможно же было развивать у себя русскую рѣчь, когда языкъ общественной, высшей, образованной среды былъ и есть языкъ исключительно польскій, а мѣстное народное нарѣчіе не въ состояніи служить выраженіемъ для всѣхъ оттѣнковъ образованной мысли. Мы знаемъ также, что молитвенники польскіе употребляются у васъ потому, что вамъ не откуда взять русскихъ, что плохая организація русской торговли духовными книгами не въ состояніи удовлетворить народной потребности въ этихъ книгахъ, что польскіе молитвенники чуть ли не вдесятеро дешевле русскихъ. Все это такъ. Но мы въ правѣ ожидать отъ васъ, и именно теперь, усилій въ борьбѣ, работы надъ своими историческими привычками и стремленій высвободиться окончательно изъ подъ польскаго духовнаго гнета во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Посудите сами: можете ли вы назваться представителями русской народности (а другихъ она тамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете русскаго языка и говорите по-польски!? Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, сроднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?? Какимъ образомъ можете вы увѣрить поляковъ, что вашъ край не Польша, а Русь, когда вы, вожди и пастыри русскаго народа, вы, священники, отреклись отъ русской рѣчи

*) Было, да безвозвратно исчезло. Р. Л. Е. В.

въ своей общественной жизни?! Съ тѣхъ поръ какъ Бѣлоруссія соединилась съ Россіей, и завелись православныя семинаріи, въ которыхъ всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ,—скажите сами, можно ли чѣмъ инымъ объяснить такое рабство пагубной для вашей народности привычкѣ къ польскому языку, какъ духовною лѣнью и нерадѣніемъ? Впрочемъ, упрекъ нашъ обращаемъ преимущественно къ молодымъ людямъ, воспитавшимся и воспитывающимся въ семинаріяхъ: старые священники, не учившіеся въ этихъ заведеніяхъ, и ихъ семейства, равно какъ и женщины духовнаго сословія, лишенныя средствъ къ образованію, могутъ еще быть извинены въ томъ, что не знаютъ другой рѣчи, кромѣ польской; но молодые люди, вполнѣ знакомые съ русскимъ языкомъ, слушающіе русскія лекціи и отвѣчающіе въ классахъ изустно и письменно по-русски, не могутъ быть ничѣмъ оправданы въ употребленіи въ своей средѣ польскаго разговора. Или вы не понимаете, какой страшный вредъ наносите вы тѣмъ русской народности? или вашему чувству не претитъ—дѣлать польскій языкъ орудіемъ русской мысли, выраженіемъ русскаго чувства? Или вы не разумѣете, какъ безобразно, какъ неприлично вамъ польскою рѣчью осуждать незаконныя притязанія Польши и отстаивать права русской народности? Или не ясно вашему уму, если не сердцу, что, продолжая говорить по-польски, вы признаете, вы утверждаете сами за польскимъ языкомъ такое право общественности, которое, по мнѣнію поляковъ, даетъ имъ самое законное право и на обладаніе всею вашею страною? Вы сами, упорствуя въ этой печальной привычкѣ, куете на свое порабощеніе оружіе полякамъ, сами попираете свою духовную независимость!

Вы должны разучиться по польски; польскій языкъ долженъ быть вамъ противенъ, какъ языкъ угнетателей вашей народности и вѣры,—какъ преграда къ возсоединенію вашему съ остальною православною Русью, какъ символъ позора и рабства—для васъ, побѣды и торжества для поляковъ. Польскому языку мѣсто въ Польшѣ, а не въ Руси. А развѣ бѣлоруссія не Русь, развѣ она Польша?

Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности! Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ мертва и любовь къ народности, если не сопровождается дѣлами... Прокляните уста ваши, если онѣ обрадуютъ поляковъ звуками польской рѣчи, какъ проклинали уста свои

евреи, въ прекрасномъ псалмѣ Давида, если они споютъ пѣснь на радость врагамъ Израиля! Наложите на себя обѣты, обяжите себя крѣпкими узами другъ другу даннаго слова, подчините себя взаимному наблюденію и взысканіямъ, назначьте себѣ сроки, работайте, усиливайтесь, трудитесь надъ искорененіемъ всѣхъ слѣдовъ латинства и польщизны въ вашемъ домашнемъ быту! Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдетъ себѣ жениха между вами, пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Стряхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пылъ, наметенный на васъ исторіей, и вспомните наконецъ, что ваше призваніе теперь, въ вашемъ краѣ, есть—миссіонерство русской народности и православія. Дѣла вамъ много, такъ много, что есть къ чему приложить всѣмъ, и не старымъ еще людямъ, свои силы—и такого дѣла, къ которому одинаково призваны, и мужья и жены, и юноши, и дѣвицы!

Если въ нашихъ словахъ есть что либо рѣзкое, то просимъ васъ простить насъ и не оскорбляться: они внушены намъ любовью къ вамъ, къ вашему краю, и наконецъ опасеніемъ, чтобъ распространившаяся молва о вашемъ пристрастіи къ польскому языку не охладила къ вамъ сочувствія простыхъ людей въ Россіи, не остановила горячихъ порывовъ только что раскрывшагося братскаго сердца... Сдѣлайте же такъ, чтобъ русскіе путешественники, черезъ какіе нибудь полгода или много годъ, не могли уже смущать русское общество извѣстіями, которыя и подали поводъ къ нашему братскому посланію.

Редакція газеты «День», ея сотрудники и всѣ, сочувствующіе съ нею.

Москва, 22 іюля 1863 г.

№ 7 Волын. Епарх. Вѣд. сданъ на почту 1-го Марта 1886 г.

Редакторъ **П. Бѣляевъ.**

Дозволено цензурою. Кременецъ. 1-го Марта 1886 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.